

МИНЕНКО Н. А.

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДНОЙ АГРОНОМИИ
ЗАУРАЛЬЯ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.**

Изучение традиционной агрокультуры русского крестьянства имеет большое научно-теоретическое и практическое значение. Без знания и понимания данной проблемы не может быть правильно понята и с достаточной полнотой реконструирована история нашей дореволюционной деревни. Как известно, важнейшей особенностью крестьянского хозяйства явилась его необычайная приспособляемость к специфике конкретной местности, конкретного района и микрорайона. Детализированные экологические знания, главным источником которых служило эмпирическое наблюдение, позволяли крестьянам учитывать существующие в природе взаимосвязи, подстраиваться к жизни локальных природных комплексов. «Возможности, предоставляемые природой,— пишет о крестьянах-земледельцах В. М. Федоров,— они умели использовать достаточно гибко и в достаточно полной мере» [36].

В практическом отношении особенно важны исследования локальных народных агротрадиций, причем в конкретных хронологических рамках. Последнее обосновывается тем, что крестьянские агротрадиции не оставались неизменными. Применительно к Зауралью это хорошо показали в своих работах В. И. Щунков, М. М. Громыко, Н. А. Лапин, А. А. Кондрашенков, Л. М. Русакова, Т. А. Демина, В. М. Суринов, В. В. Пундани, И. В. Власова, В. И. Шадурский, авторы коллективных трудов по истории Урала и Сибири [4; 5; 3; 7; 12; 13; 14; 15; 25; 26; 28; 33; 39; 41; 42].

Никто из названных специалистов не ставил задачей комплексное изучение народной агрономии Зауралья в дореволюционную эпоху или в отдельные ее периоды. Однако они в разной степени затронули и осветили многие вопросы сельскохозяйственной практики и агротехнических знаний тружеников местной деревни, их исследования являются хорошей основой для дальнейших поисков в намеченном направлении. Причем, если говорить о XVIII — первой половине XIX вв., то на нынешнем этапе

исторических исследований особую важность приобретает поиск новых источников, более внимательное прочтение уже известных, выяснение их подлинных информационных возможностей. Есть основания утверждать, что источниковая база изучения народных агротрадиций Зауралья рассматриваемого времени в целом достаточно широка и разнообразна.

Прежде всего специалисты располагают весьма представительным собранием экономико-географических и этнографических описаний. Появление большой группы таких описаний связано, в частности, с анкетами В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, М. В. Ломоносова (Академии наук) 30—60-х гг. XVIII в. Анкеты эти, рассылавшиеся по всем уездам страны, в том числе и зауральским, включали, помимо прочего, вопросы о хозяйственных занятиях жителей, составе возделываемых полевых и огородных культур, их урожайности, бытующих в деревнях приметах погоды. Ответы на анкеты (они хранятся в фондах Ленинградского отделения архива Академии наук СССР — ЛО ААН и ЦГАДА), составлявшиеся при активном участии местных властей, как неоднократно отмечалось в исторической литературе [1; 6; 40], отличались значительной достоверностью.

Правда, сообщаемые сведения зачастую оказывались чрезвычайно лаконичными; особенно это касается ответов воеводских канцелярий на анкеты В. Н. Татищева и Академии наук. «Хлебы сеются озимые — рожь, яровые — пшеница, ячмень, овес, ярица, горох; и оной хлеб родится годом неравной: один против посеvu с приплодом, а другой и с убылью...», — говорилось, например, в «известиях», присланных в 1761 г. из Туринска [46]. И этот ответ был вполне типичным; правда, показатели урожайности обычно приводились более конкретные и по каждой культуре отдельно («ежели никакого недороду и повреждения не бывает, — сообщалось из Ялуторовска, — сверх посеянного прибыли бывает пшеницы в восмеро, ржи и ярицы в шестнадцатеро, ячменю в четырнадцатеро, овса в восмеро» [47]).

Более подробную информацию о сельскохозяйственной деятельности русского населения Зауралья содержат топографические, экономические, историко-географические описания, появившиеся в связи с проведением Генерального межевания и деятельностью Вольного экономического общества в конце XVIII — начале XIX вв. Принципы межевания были изложены в ряде законодательных актов, опубликованных в 1760-х гг. В одном из них — «Наставление землемерам» — предписывалось при проведении межевания составлять «путем разведывания от обывателей» специальные экономические описания [28. С. 28].

О необходимости составления экономических описаний губерний говорилось и в сенатском указе от 1 ноября 1777 г.; вскоре после выхода указа начались соответствующие работы и в Зауралье. К 1781 г. были готовы описания Тобольского, Тюменского, Туринского, Пелымского уездов, а через некоторое

время Исетского, Куртамышского, Ялуторовского дистриктов и пр. [44; 28. С. 29]. В 1785 г. появилось первое Топографическое описание Тобольского наместничества, в основу которого, по мнению Л. М. Русаковой, легли материалы, ранее подготовленные уездными землемерами [28. С. 29]. Но и описание 1785 г. было лишь этапом в деятельности по сбору экономико-географических сведений и их систематизации. В 1790 г. завершилось составление нового Топографического описания Тобольского наместничества. Годом ранее была закончена работа над Топографическим описанием Пермского наместничества [49. Д. 18920, 19107; 52].

В топографических описаниях также, как показал анализ [2; 27; 28. С. 29—32; 16], обладающих достаточной степенью надежности, приводятся данные не только о составе культур и урожайности (сопоставление с ответами воеводских канцелярий на анкеты 30—60-х гг. позволяет выявить их динамику), но и о сроках сельскохозяйственных работ, системах земледелия, орудиях труда, свойствах почв и приемах восстановления их плодородия. «Землю пахут сохою и лошадьми, удобряют навозом по возможности скотоводства, то есть у кого достаточно скота, то и навозу имеет больше другого и здабривает через год, два или три года, а которые имеют малое скотоводство, и притом отдаленные от дому их пашни, тот удобряет через 3—4—5 лет, а отдаленные пахут по нужде и без удобрения навозом с перепаркою через год или два. Но таковые поля дают произращения не более как 10 лет, и после дают роздыху и лежат в пустошах тож 10 лет, которые уже опять распахивают...», — говорится, например, о практике земледелия у тобольских крестьян в Топографическом описании Тобольского наместничества 1785 г. [42].

В Верхотурском уезде, как сообщает Топографическое описание Пермского наместничества, унавоживали пашни «под один только озимовой хлеб», но ежегодно. Навоз вносили в почву в июне, во время вспашки пара [49. Д. 18920. Л. 135]. Согласно Топографическому описанию Тобольского наместничества 1790 г., в Туринском уезде «под хлебопашество» удобряли «назьмом» большую часть земли; в Тюменском «назьмили» («и то малую частию») лишь те участки, «где земля пещаная, белая [49. Д. 19107. Л. I, 21, 108 об., 129]. Вообще топографические описания конца XVIII в. целесообразнее использовать в комплексе, поскольку они взаимно дополняют друг друга; сопоставление их данных позволяет полнее раскрыть специфику в подходе к определению сроков полевых работ, подготовке почв под разные культуры и пр., существовавшую в разных уездах Зауралья.

Конечно, отмеченная специфика имела место и на уровне волостей — зауральские уезды занимали небольшие территории; разные районы одного и того же уезда могли различаться и почвенными, и климатическими условиями. Топографическими описаниями эта поволостная специфика практически не фикси-

ровалась. Однако исследователь располагает таким ценным источником, как Экономические примечания 1798—1800 гг., которые, по мнению Л. М. Русаковой, создавались в качестве дополнений к Атласам 1798 г. [28. С. 32]. В Экономических примечаниях приводились сведения не только по отдельным волостям, но и по селениям.

Основой экономических примечаний служили ведомости, составлявшиеся в волостях. В них помещены данные о числе и сословном составе населения, размерах пашенной земли, сенокосов, леса, количестве мельниц. По некоторым уездам сообщается также о занятиях населения. Наиболее интересны для историка, занимающегося традиционной народной агрономией, Экономические примечания по Тюменскому уезду, которые датируются 1799 г. Здесь подробно описываются свойства почв, агротехнические приемы, состав возделываемых культур, нормы высева, урожайность. Так, о д. Ворониной, входившей в Городовую крестьянскую волость, сообщается, что в ее окрестностях «пашенная земля грунтом черная и удобрения частью требующая, а удабривают оную назмом и производят хлебопашество с самой весны под яровой хлеб с мая месяца на приуготовленных парах, оранных двою, а посеяв и заборонят: под озимовой же орют и боронят по два раза в лето. И на те земли высевают хлеб яровой пшеницу, ячмень, овес, гречу, горох, конопле и лен, а озимовой рожь, и всему тому хлебу угрожает... против посеву всякой вдвое и втрое, а от засух бывает и неурожай, так что иногда и семян не получают... А в огородах по посадке веснами произрастают овощи: капуста, свекла, морковь, ретка, бобы, лук и огурцы, тож за бездожиями неповсягодно» [48].

Нормы высева приводились по каждой культуре отдельно. Например, в Ямской городской волости высевали «на каждую десятину ярового, то есть пшеницы по три четверти, ячменя по две четверти, гороху по шести четвериков, конопля по одной четверте, льну по одной же четверте, озимового ржи на каждую десятину по четверте и по четыре четверика» [48. Л. 78 об.— 79].

Народные агротрадиции тех уездов Зауралья, которые входили в Пермскую губернию, нашли подробное освещение в Историческо-географическом описании Пермской губернии 1801 г. и Хозяйственном описании Пермской губернии 1802—1803 гг. [49. Д. 18927, 18930], составленных учителем Пермского Главного народного училища Никитой Поповым. В 1804 г. вторая работа была впервые опубликована [23]. Хозяйственное описание губернии Н. Попов составил «сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества». Он привлек, в частности, записки путешественников, сведения, поступавшие из уездов на имя губернатора.

Данные, приводимые Н. Поповым, существенно дополняют сообщения других источников. Если в Топографических описа-

ниях в Экономических примечаниях, например, только перечислялись орудия труда, то Н. Попов дает им характеристику, иногда рассказывает и о технологии их изготовления. Так, бороны-суковатки, по его утверждению, делались из «расколотых елей». Для сего обделав их сучья наподобие зубьев, сколачивают параллельно по 4 еловых плашки и связывают оные березовыми кольцами» [23. Ч. 2. С. 397].

Составитель фиксирует те особенности, которые были свойственны агротехнике разных уездов. «Употребляемые здесь при земледелии сохи,— пишет он о Верхотурском уезде,— вообще ниже и уже сох, коими возделывают землю в других уездах; бороны отличаются только тем, что зубья их делают короче; с железными не все имеют крестьяне, а больше с деревянными» [23. Ч. 2. С. 397]. Он попытался проследить влияние на крестьянское хозяйство имущественного расслоения местной деревни. Одной из важнейших причин жалкого состояния некоторых дворов, запущенности пашен он считал леность, приверженность к «пирушкам». В Хозяйственном описании дается выразительный портрет такого горе-хозяина: «...он тогда выходил на работу, когда его соседи после довольных трудов принимались уже за завтрак; летний зной для него несносен, для чего избегается от него сном в тенистом месте; он жалуется, что силы его слабы (от того, что не привык к работе); для того раньше других оную оставляет. От сего происходит, что... посеявши хлеб гнило, снимает худую жатву, проспавши лучшее время, ставит гнилое сено и потому принужден бывает часто и самых лошадей кормить соломою, кратко сказать, терпит во всем недостаток» [23. Ч. 2. С. 227].

Нет никаких оснований ставить под сомнение это наблюдение Н. Попова — принадлежность к эксплуатируемому сословию вовсе не гарантировала трудолюбия; среди крестьян, конечно, имелись и любители праздной жизни. Кстати, автор-составитель замечает, что «нередко честные и трудолюбивые крестьяне делаются нечаянно бедными от пожаров, от скотских падежей, лишаящих часто всего их скота, от случайного неурожая хлеба и тому подобных непредвидимых бедствий»... [23. Ч. 2. С. 227].

Наличие субъективных оценок — характерная черта хозяйственных описаний отдельных уездов, волостей, церковных приходов, составителями которых явились представители местной администрации, мещанства, учителя и священники, крестьяне, ссыльные. Можно назвать в качестве примеров «Описание города и уезда Ялуторовска Тобольской губернии» 1818 г. [51]. «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии» 1842 г. (автор — декабрист В. И. Штейнгейль) [43, Д. 6; 32], «Ялуторовский округ губернии Тобольской» (автор — учитель русского языка в Ялуторовском уездном училище К. М. Голодников) [9], «Очерк сельского хозяйства Тюменского уезда» 1851 г. (автор — тюменский мещанин Ф. Бузолин) [43, Д. 9],

«Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении» (автор — священник из шадринского с. Ольховского А. Третьяков, печатавшийся также под вседонимом — А. Серафимов) [10; 30], «Очерк юго-западной половины Шадринского уезда» (автор — священник Т. Успенский) [20], «Ялуторовский округ Тобольской губернии» (автор — чиновник ведомства народного просвещения Н. А. Абрамов) [43], «Описание Туринского округа Тобольской губернии в хозяйственном отношении» (автор — священник М. Попов).

Сильной стороной всех этих описаний было то, что они явились результатом не поверхностного наблюдения, а глубокого знакомства с местной жизнью. Основательная информированность авторов, широко привлекавших также имевшуюся на местах документацию, накладывалась на их достаточно высокую квалификацию. Не случайно многие из описаний были опубликованы в центральных и местных изданиях, некоторые получили отличия на разного рода конкурсах. Например, описание Шадринского уезда, составленное священником А. Третьяковым, оказалось удостоенным серебряной медали на конкурсе, объявленном Ученым комитетом Министерства государственных имуществ. Большой серебряной медалью и денежной премией было отмечено на конкурсе, проводимом Экономическим обществом сельского хозяйства, и сочинение о Туринском уезде священника М. Попова.

Информация, содержащаяся в описаниях, составленных местными краеведами, касается, в частности, крестьянских эмпирических знаний о природе и хозяйстве, приемов ведения земледелия, орудий труда, производственного деревенского календаря, экологического поведения крестьян. «Время посева обычно определяется состоянием пашни около 25 апреля,— пишет, например, о Тюменском уезде Ф. Бузолин.—...На хозяйскую десятину высевается до 3 кадей пшеницы и ярицы, овса до 5 кадей, ячмену от 3 до 3½, озимой 3 кади... При благоприятных обстоятельствах собирается с одной десятины чистого зерна от 20 до 35 кадей. После пшеницы засевают поле в последние два лета до будущего нового пара овсом или горохом... Хозяйство издревле однопольное, все полевые растения сеют одно подле другого. Наряду с нивою нередко находится покос...» Указывая на традиционный характер местного земледелия, Ф. Бузолин вместе с тем отмечал сдвиги в нем: «обыкновенная соха начинает заменяться колесянкою», кое-где приступили к кошению хлебов литовками и пр. [43. Д. 9. Л. 3—4].

Более подробно о новых чертах в земледелии Зауралья, наблюдавшихся к середине XIX в., рассказал А. Третьяков. Вообще из всех местных краеведов он дал наиболее обстоятельное описание крестьянской агротехники.

Некоторые из авторов хозяйственных описаний поддерживали контакты с Русским географическим обществом и приняли

участие в составлении ответов на его анкету-программу, разосланную в 1847 г. Программа не включала специального пункта о хозяйстве, но в той массе рукописей, которая хлынула в РГО из-за Урала, М. М. Громыко выявила в архиве Географического общества 62 сибирские рукописи, присланные в ответ на программу [5. С. 16]. Были и такие, в которых приводились данные о системах земледелия, орудиях труда, сроках сельскохозяйственных работ. В числе тех, кто откликнулся на анкету 1847 г., оказались протоиерей И. Смирнов из с. Песчанского Шадринского уезда, священник Л. Попов из с. Мурзинского Верхотурского уезда, уже упоминавшийся священник А. Третьяков, священник И. Павлов из с. Романовского Верхотурского уезда, священник Л. Слобцов из с. Лялинского того же уезда, священник И. Бедняков из с. Долгоярского Тобольского уезда, тюменский мещанин Ф. Бузолин, священник В. Андрианов из слободы Белозерской Курганского уезда. Государственный крестьянин А. Н. Зырянов представил в Географическое общество 14 рукописей [5. С. 16].

В целом же ответы на анкету Русского географического общества дают весьма бедную информацию о народных агротрадициях. Правда, достоинством этой информации является ее высокая достоверность. О надежности информации, содержащейся в ответах на программу РГО, присланных из Сибири, говорят результаты анализа, предпринятого М. М. Громыко [5. С. 16—18]. Этого нельзя сказать об Обозрениях государственных имуществ Зауралья, составленных в 1840—1841 гг. специальными комиссиями, присланными из центра. Эти своеобразные описания зауральских уездов и губерний хранятся в фондах ЦГИА в г. Ленинграде. Сами составители признавались, что «по краткости наблюдения» им не удалось достаточно глубоко вникнуть в ситуацию [50]. К тому же встает вопрос об уровне способностей и мере добросовестности ревизоров.

Комиссию, работавшую в Тобольской губернии, возглавлял капитан Вонлярлярский. В Тобольске с ним имел возможность контактировать живший там в ссылке декабрист М. А. Фонвизин. 10 июля 1842 г. Фонвизин писал И. И. Пущину, что ему посоветовали переслать в Петербург подготовленные им предложения по крестьянскому вопросу, воспользовавшись услугами «чиновника министерства государственных имуществ Лярского». «Я бы охотно это сделал,— заключал декабрист,— но зная Лярского за человека ничтожного, я опасаясь, чтобы представление им проекта не произвело невыгодного впечатления на самое изложение мысли моей — он, может быть, вздумает прибавить тут своего и испортит все дело». Кстати, то, что Фонвизин вместо громоздкого «Вонлярлярский» написал просто «Лярский», ввело в заблуждение публикаторов писем С. В. Житомирскую и С. В. Мироненко, сообщивших в примечании, что такого чиновника «в то время в Министерстве госу-

дарственных имуществ не было. Не удалось найти его имя и в других ведомствах по «Адрес-календарям» [36].

И тем не менее в сочетании с другими источниками материалы ревизии государственных имуществ 1840—1841 гг. вполне можно использовать при изучении народной агрономии Зауралья. В них содержатся сведения о системах земледелия, размерах посевов и урожая, орудиях труда, составе культур, расположении пашен, календаре земледельческих работ.

Гораздо более подробно характеризуются народные агро-традиции Зауралья в военно-статистических описаниях губерний, подготовленных офицерами Генерального штаба. Так, в 1860 г. в «Пермских губернских ведомостях» было опубликовано «Статистическое описание Пермской губернии, составленное Генерального штаба штабс-капитаном А. И. Мозелем». Позднее оно вошло в состав двухтомного труда, опубликованного в 1864 г. в Петербурге под названием «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния». Составитель томов — Мозель к тому времени был уже подполковником.

Описание Мозеля — чрезвычайно ценный источник по истории народной агрономии. Характеризуя состояние земледелия в Пермской губернии середины XIX в., составитель пытается выявить поездные различия; уделяется им заметное внимание и конкретной технологии труда пахаря. Это, например, один из немногих источников, в котором рассказывается о приемах внесения удобрений в почву. «Относительно удобрения полей следует заметить, — отмечает составитель, — что оно употребляется более в средней и северной полосах губернии, причем далеко не повсеместно. Удобрением своих полей занимаются только самые заботливые крестьяне и то ограничиваются одними удворными, оставляя отъезжие, по причине отдаленности, без всякого удобрения до совершенного истощения почвы. Удобренные же пашни унавоживаются почти ежегодно, хотя и не в значительном количестве. Для этого навоз привозят осенью по первому снегу и сваливают на полях кучками или пластами, которые с наступлением весны разбивают и разгребают, а по окончании этой работы поля запахиваются. Количество удобрения зависит от качества почвы, большей или меньшей степени ее истощения и рода хлеба, который предполагается сеять. Обыкновенная пропорция навоза на казенную десятину составляет от 80 до 120 возов, смотря по степени истощения почвы, а на сильно истощенную почву и под конопляники вывозят на то же пространство от 100 до 150 и даже до 180 возов» [17]. Вообще все источники утверждают, что унавоживание земли не получило за Уралом широкого распространения.

В 1849 г. было опубликовано военно-статистическое обозрение Тобольской губернии, составленное по «рекогносцировкам и материалам, собранным на месте под руководством обер-квар-

тирмейстера отдельного Сибирского корпуса, Генерального штаба полковника барона Сильвергельма». В нем материал о сельском хозяйстве края представлен очень скупо.

Экономико-статистические описания отдельных волостей встречаются и в составе текущей документации — как правило, в виде «ведомостей», прилагаемых к рапортам вышестоящим органам. В материалах текущего делопроизводства: рапортах, прошениях, указах, предписаниях, отписках, мирских приговорах и т. п. содержится богатейшая информация о земледелии и агротехнических знаниях крестьян. В большинстве своем они являются достоянием архивов, но часть документов опубликована, в том числе указы крестьян Зауралья в Уложенную комиссию 1767 г. (в нескольких выпусках серии «Археография и источниковедение Сибири», вышедшей в свет в Сибирском отделении издательства «Наука» с 1975 г.). Данные текущей документации не только позволяют проверить сведения, приводимые в других источниках, в том числе разного рода описаниях, но и заметно дополняют и конкретизируют их. Так, только на основании описей имущества (производившихся в связи с его кражей, передачей по наследству, взысканием долгов с владельца и пр.) можно судить об обеспеченности отдельных дворов сельскохозяйственным инвентарем. Соха с сошниками, борона с 15 железными зубьями, две косы-горбуши и три серпа, согласно описи, например, имелись в хозяйстве жителя д. Дубровиной Тюменского уезда Н. Серцова (1810 г.) [45].

Именно анализ текущей документации (в комплексе с законодательными актами) позволяет охарактеризовать политику центральной власти и местной администрации по отношению к агрономической практике крестьянства, их влияние на организацию труда в земледельческом хозяйстве. В указе Тюменского земского суда 1787 г., адресованном во все подчиненные волостные суды, предписывалось (со ссылкой на распоряжение наместнического правления), чтобы отныне крестьяне засевали «озимовые поля в ыходе июля» или, по крайней мере, в начале августа, дабы «до наступления осенних ранних морозов озимовой хлеб мог успеть не токмо поднятца вверх, но и запустить корень... колико можно глубже» [43]. Можно привести немало подобных ярких примеров.

Особенно интересна документация крестьянских общин, поскольку «мир» играл важную роль в хозяйственной жизни деревни, волости. Разнообразную и по большей части оригинальную информацию о народной агрономии содержат мемуары и дневники путешественников. Из мемуаров стоит выделить вышедшие двумя изданиями [37; 38] воспоминания Н. М. Чукмалдина, выходца из тюменских крестьян. «Имя Николая Мартемьяновича Чукмалдина (1836—1901) ныне почти забыто,— пишет Е. Эртер в статье «Николай Чукмалдин и его воспоминания».— А между тем тюменцы и жители села Кулаково многим обяза-

ны ему. Это был человек, обладавший удивительной жизненной силой, позволившей ему, крестьянскому мальчику из беднейшей семьи, достичь высот культуры, стать образованным человеком своего времени. Он организовал единственный в своем роде литературный кружок, способствовал появлению научного описания Тюмени и созданию там краеведческого музея, хлопотал о строительстве железной дороги, много сделал для народного просвещения как в городе, так и в родной деревне. Все поступки Н. М. Чукмалдина продиктованы чувством деятельной любви к своему краю. Даже добившись положения богатого московского купца, ведущего солидную торговлю, он не оставляет свои начинания: строит школы и училища, открывает у себя на родине новые библиотеки [35].

В д. Кулаковой Чукмалдин жил до 1852 г., когда его отдали «в люди» — к тюменскому купцу И. А. Решетникову. Вспоминая позднее свои деревенские годы, он подробно реконструирует жизнь деревни, в том числе ход сельскохозяйственных работ. «Летом жилось гораздо веселее, чем зимою и осенью,— пишет Чукмалдин.— Весною пашня, потом покос, ходьба по ягоды и жатва... Я помогал отцу: весной рубить дрова, боронить поля; на покосе — сгребать сено, возить копны; в жатву — таскать снопы и вообще делать все то, что требуется от деревенского мальчугана» [37. С. 30]. Вообще из мемуаров Чукмалдина можно почерпнуть немало данных о практике трудового воспитания в зауральской деревне первой половины XIX в. Дает автор материал и для характеристики взаимоотношений крестьян с природой.

Стоит отметить, что приводимые Чукмалдиным факты в ряде случаев удается подтвердить документальными материалами (например, фамилии крестьян, жителей д. Кулаковой, историю самой деревни и пр.). Это говорит о значительной достоверности источников.

Некоторую информацию о зауральском земледелии можно почерпнуть также в мемуарах ссыльных декабристов. Из дневников путешествий, содержащих богатые сведения о сибирской агротехнике, необходимо назвать труды академиков-путешественников XVIII в. П. С. Палласа, И. П. Фалька и И. И. Лепехина, дневник писателя С. Турбина, «Из записной книжки сибиряка» Г. Н. Потанина, «Путевые заметки» И. Завалишина, «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» П. И. Небольсина [19; 21; 22; 34; 24; 11; 18; 31; 8].

Конечно, наблюдения путешественников зачастую страдали поверхностностью. Но используемые в комплексе с другими источниками дорожные дневники существенно уточняют реконструируемую картину прошлого. «Большая часть деревень удобряет свои поля,— заметил, например, академик Фальк, оказавшись в 1772 г. в Тюменском округе,— другие же, на правой или южной, стороне Туры исправляют их поля посредством долго-

временного пара. В обыкновенные годы страна сия довольствуется своим хлебом и снабжает оным Туринский округ. Во время неурожая имеет только для себя довольно хлеба. Здесь сеют озимую рожь, яровую пшеницу, ячмень, овес, горох, гречу, полбу, лен и пеньку. Сии последние не везде». Сам характер информации говорит о том, что в распоряжении академика были не только собственные наблюдения [22. С. 345]. Действительно, известно, что и Фалька, и Палласа, и других ученых путешественников местные власти должны были снабжать устными и документальными сведениями, что положительно отразилось на содержании дорожных дневников академиков.

Немалую помощь исследователю, занимающемуся народной агрономией, может оказать и периодическая печать. Речь идет о публикуемой в ней текущей информации. Так, в № 13 «Пермских губернских ведомостей» за 1856 г. была помещена заметка «Выпуск воспитанников Северовосточной (Казанской) учебной фермы». Сообщалось о том, что со времени открытия фермы на ней, в числе прочих, прошли курс обучения 19 крестьян из Пермской губернии. Перечислялись подарки, с которыми отправлялись по домам выпускники 1855 г. (сельскохозяйственные орудия, семена разных культур и пр.).

Очевидно, что все эти данные позволяют судить о проникновении в крестьянскую среду достижений современной агрономической науки. Расширению представлений об этом процессе способствует и обращение к № 11 «Пермских губернских ведомостей» за 1861 г., где публиковалась опись книг и периодических изданий библиотеки, открытой в 1859 г. для крестьян в с. Иванищевском Шадринского уезда (основателем библиотеки был А. Н. Зырянов). Плата с читателей здесь не взималась. В описи упоминаются «Экономические записки» за 1856, 1857 и 1858 гг., «Труды Вольного экономического общества» за 1856, 1857 и 1858 гг., годовой комплект «Сельского хозяйства», «Сельская летопись, составленная из наблюдений, могущих служить к определению климата России», «Природа и ее силы» Новосельского, «Понятия Гопкинса о народном хозяйстве», «Гром и молния. Ученая записка Ф. Араго», «Вестник естественных наук» за 1859 г. и др. Данные эти говорят сами за себя.

Наконец, большой интерес представляют в качестве источника по истории народной агрономии и записи крестьянского фольклора. В сказках, загадках, пословицах и поговорках находила отражение реальная жизнь деревни, в том числе трудовая.

В фольклорных собраниях имеются и записи примет. «Если зимой лес бывает постоянно в куржаке, то следующее лето будет урожайное», «появление мышей более обыкновенного предвещает урожайный год», «в которую осень лист долго не опадает с деревьев, тот год будет тяжелый», «найденный случайно на дороге сноп береги — хлеб будет родиться» — такие приметы

были, например, записаны Н. П. Булычевым в Ирбитском уезде [29].

Таким образом, исследователь, обратившийся к изучению народных агротрадиций XVIII — первой половины XIX вв. на территории Зауралья, располагает надежной источниковой базой. Основу ее составляют повествовательные источники — экономико-географические и этнографические описания, и их следует использовать только в комплексе с источниками других видов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири XVIII в. (первая половина). М.; Л., 1965. Вып. 2.
2. Андреев А. И. Топографические описания и карты сибирских наместничеств в 1783—1794 гг. и работы, связанные с ними // Вопросы географии, 1950. С. 203—212.
3. Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв. М., 1984.
4. Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965.
5. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири. (XVIII — первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975.
6. Громыко М. М. Источники по истории освоения Западной Сибири в XVIII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия обществ. наук, 1966. Т. 1. Вып. 1. С. 100—102.
7. Демина Т. А. Государственные крестьяне Исетской провинции в 30—80-х гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979.
8. Живописное путешествие по Азии, составленное под руководством Эйриэ. М., 1839. Т. 1.
9. Журнал Министерства внутренних дел, 1846. Ч. 15. С. 296—520.
10. Журнал Министерства государственных имуществ, 1852. Ч. 45. № 12. С. 179—226.
11. Завалишин И. Путевые заметки (Тобольская губерния) // Тобольские губернские ведомости, 1863. № 41, 42.
12. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
13. Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. Ч. 2. Челябинск, 1969.
14. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
15. Лапин Н. А. Земледелие Западной Сибири в 1800—1860 годах // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964. Кишинев, 1966. С. 458—469.
16. Миненко Н. А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII — первой половины XIX вв. Новосибирск, 1981. С. 80—81.
17. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 2. С. 32.
18. Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки, 1849. Т. 6—7. № 11—12.
19. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1, 2.
20. Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 3—41.
21. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 5. Окончание записок путешествия академика Лепехина. СПб., 1822.
22. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824.
23. Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 1—2. Пермь, 1804.

24. Потанин Г. Н. Из записной книжки сибиряка // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1966. Т. 7.
25. Пундани В. В. Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Челябинск, 1984.
26. Пундани В. В. Сельскохозяйственный опыт русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX в. // Земледельческое и промышленное освоение Сибири. XVII — начало XX вв. Новосибирск, 1985. С. 69—76.
27. Рубинштейн Н. Л. Топографическое описание наместничества и губерний XVIII в. Памятники географического и экономического изучения России // Вопросы географии, 1953. Сб. 31. С. 52—108.
28. Русакова Л. М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII—XIX вв. Новосибирск, 1976.
29. Сборник примет, поверий, пословиц, поговорок и загадок, записанных в Ирбитском уезде Н. П. Булычевым // Записки Уральского общества любителей естествознания, 1876. Т. 3. Вып. 2. С. 109—112.
30. Серафимов А. Записки о Шадринском уезде Пермской губернии // Ученые записки, изданные Казанским университетом, 1858. Кн. 4. С. 102—131.
31. Словцов П. А. Прогулки вокруг Тобольска. М., 1834.
32. Статистическое описание Ишимского округа // Журнал Министерства внутренних дел, 1843. Ч. 2. С. 1—219.
33. Суринов В. М. Особенности формирования и функционирования систем земледелия в условиях Зауралья // Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX вв. М., 1981. С. 202—222.
34. Турбин С. От Тюмени до Омска // Санкт-Петербургские ведомости, 1863. № 269—270.
35. Урал, 1986. № 7. С. 152—153.
36. Федоров В. М. Биосфера — земледелие — человечество. М., 1990. С. 28; Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 274, 435.
37. Чукмалдин Н. Мои воспоминания. СПб., 1899.
38. Чукмалдин Н. Записки о моей жизни. М., 1902.
39. Шадурский В. И. Народный опыт земледелия Сибири и современность // Развитие производительных Сил Сибири XIX—XX вв. Новосибирск, 1983. С. 161—172.
40. Шапот Е. Г. Анкеты В. Н. Татищева как источник по истории Сибири первой половины XVIII в. // Проблемы источниковедения, 1962. Вып. 10. С. 133—153.
41. Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974.
42. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.
43. Архив географического общества. Разряд 55. Оп. 1. Д. 47. Л. 4 об.; Там же. Разряд 61. Оп. 1. Д. 6, 9, 23; Архив ЛО ИИ СССР АН СССР. Ф. 187. Оп. 2. Д. 151. Л. 118—119.
44. ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 25.
45. ГАТюО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1049. Л. 1—3 об.
46. ЛО ААН. Ф. 3. Оп. 10-а. Д. 184. Л. 4 об.
47. Там же. Д. 181. Л. 4.
48. ТФ ГАТюО. Ф. 154. Оп. 20. Д. 180. Л. 62 Об.-63, 78—79.
49. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18920, 19107, 18927, 18930.
50. ЦГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 71. Л. 57—57 об.
51. ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 1.
52. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.